

ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С КЛЮЧЕВЫМИ ЛЕКСЕМАМИ "DER SCHWIEGERSOHN" И "ЗЯТЬ" В СРАВНИТЕЛЬНОМ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Шимко Елена Алексеевна

К.филол.н., доцент,

Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск

MANIFESTATION OF THE NATIONAL AND CULTURAL ORIGINALITY IN PAREMIOLOGICAL UNITS WITH KEY LEXEMES OF "DER SCHWIEGERSOHN" AND "SON-IN-LAW" IN COMPARATIVE ETHNOLINGUISTIC ASPECT

E. Shimko

Annotation

Article is devoted to studying of a national and cultural originality of paremiological units with key lexemes of "der Schwiegersohn" and "son-in-law" in comparative ethnolinguistic aspect. The research is conducted on material of the German and Russian languages. In work the method of cultural contrast allowing to reveal specifics, universality of proverbs and to describe their role how they reflect features of mentality of the compared language communities is applied.

Keywords: ethnolinguistics, paremiological units, German and Russian languages, comparative analysis, cultural contrast, key lexemes of "der Schwiegersohn" and "son-in-law", national and cultural originality, kulturnospetsifichnost and universality.

Аннотация

Статья посвящена изучению национально-культурного своеобразия паремиологических единиц с ключевыми лексемами "der Schwiegersohn" и "зять" в сравнительном этнолингвистическом аспекте. Исследование проводится на материале немецкого и русского языков. В работе применяется метод культурного контраста, позволяющий выявить специфику, универсальность пословиц и описать их роль с точки зрения того, как они отражают особенности менталитета сопоставляемых языковых сообществ.

Ключевые слова:

Этнолингвистика, паремиологические единицы, немецкий и русский языки, сопоставительный анализ, культурный контраст, ключевые лексемы "der Schwiegersohn" и "зять", национально-культурное своеобразие, культурноспецифичность и универсальность.

Современный этап развития научной мысли характеризуется важнейшим методологическим сдвигом в сторону гуманитарного знания. Для лингвистики этот методологический поворот означает возрастание интереса к языку как феномену духовной культуры. Расширение исследовательского пространства осуществляется за счет привлечения текстов народной культуры, исторических текстов, описаний магических и ритуальных действий, которые начинают рассматриваться как культурные знаки, с которыми соотносятся знаки языка [1; 4; 7; 8; 9; 10; 6; 14; 17]. Эти и другие работы ведутся в русле этнолингвистики, соединившей в один источник для изучения духовной культуры народа знаки языка (в том числе и фразеологию), факты этнографии и тексты фольклора.

В настоящее время общепринятым является положение о том, что фразеология тесно связана с историей, культурой и бытом народа. В ней воплощены его дух, пси-

хология и способ мышления. Наиболее ярким лингвистическим материалом, выражающим ментальные воззрения нации, мораль, нравственные устои и критерии народа, его ум и мудрость, на наш взгляд, являются паремиологические единицы. Поскольку в них сохранились до наших дней и красота любви; брака, родства. Как отмечал М.А. Шолохов: "Ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах" [13, т. 8, с. 241]. Это позволяет рассмотреть паремиологические единицы как важнейшие элементы, составляющие языковую картину мира.

Задача исследования состоит в рассмотрении национально-культурного своеобразия паремиологических единиц немецкого и русского языков, представленных ключевыми лексемами "der Schwiegersohn" и "зять" в сравнительном этнолингвистическом аспекте. Для ре-

шения данного вопроса используется метод культурного контраста, позволяющий определить культурноспецифичное и универсальное в означивании того или иного фрагмента действительности в различных языках.

Проанализируем своеобразие паремий с ключевыми лексемами "der Schwiegersohn" и "зять" в аспекте отражения культурного контраста сопоставляемых картин мира.

Рассмотрим данные паремии, а именно:

Таблица 1.
Эксплицитное представление лексем "der Schwiegersohn" и "зять" в немецких и русских паремиях.

Немецкий язык	Русский язык
der Schwiegersohn	зять
<i>Hast du keinen Zank im Hause, so nimm den Schwiegersohn ins Haus</i> (буквальный перевод: "если у тебя в доме раздор, то возьми в дом зятя").	Хочешь ссоры, возьми в дом зятя. Нет черта в доме - прими зятя.
	С сыном бранись - за печку держись, с зятем бранись - за дверь держись.
	Бедному зятю и тестю не рад.
	У наших зятей много зятей.

Установим, что сближает эти пословицы и как проявляется культурный контраст в сопоставляемых картинах мира.

В одинаковой степени в немецком и русском языках образ зятя связывается с раздорами, ссорами: "*Hast du keinen Zank im Hause, so nimm den Schwiegersohn ins Haus*" и "Хочешь ссоры, возьми в дом зятя", "Нет черта в доме - прими зятя". Отметим ключевые лексемы, показывающие черты характера зятя: в немецком языке - "*der Zank*" и "*das Haus*", в русском языке - "ссора", "дом", "черт".

Сопоставим ключевые слова "*der Zank*" и "ссора" с целью выделения общего и специфического в семном составе и определим, почему данные лексемы входят в состав словосочетаний, номинирующих образ зятя в обоих сопоставляемых языках.

Лексема "*der Zank*" появилась в немецком языке в конце XV века со значением 'ссора, неприязненный спор' как производное слово от глагола "*zanken*" - 'ссориться с кем-либо'. Происхождение слова "*zanken*", с одной стороны, связывают с существительным "*Zahn*", где глагол обозначал 'вырвать, отнять что-либо у кого-либо', с другой стороны, средневенгерское слово "*zanke*" явля-

лось дополнительной формой лексемы "*Zacke*" и означало 'острие' [15, S. 939].

В универсальном словаре К. Дудена слово "*der Zank*" имеет значение 'взаимные оскорбления, упреки, неприязни, выносимые в ссоре (в большинстве случаев из-за незначительного повода)' [16, S. 2041]. Следовательно, лексема "*der Zank*", обладая значением 'взаимные оскорбления, упреки, неприязни, выносимые в ссоре', указывает на отрицательные моральные качества человека.

Слово «ссора» встречается в сербохорватском «*осбран*», «*осбрљив*» - 'резкий, грубый, вспыльчивый, раздражительный, заносчивый', словенском «*osogān*» - 'неприветливый, резкий, грубый', родственно латинскому «*sermō*» - 'разговор, беседа, диспут, молва', греческому «*ἐριμνεύς*» - 'толкователь', готскому «*swaran*» - 'клясться', древнеисландскому «*svara*» - 'отвечать', англосаксонскому «*andsvaru*» - 'ответ' [12, т. 3, с. 741].

Учитывая этимологию, лексема "*ссора*" выражает отрицательные качества человека. В словаре Д.Н. Ушакова лексема "ссора" определяется как 'взаимная вражда, сопровождающаяся полным прекращением отношений', 'серьезная размолвка', 'взаимная перебранка' [11, т. 4, с. 471].

Сопоставляя немецкую лексему "*der Zank*" и русскую "ссора", можно отметить наличие общих и отличительных признаков.

Сходство проступает в значении 'словесное выражение противоречий', связанного с семантическими категориями 'неприязненный спор' и 'взаимная перебранка'. Однако в русском языке специфика слова "ссора" проявляется в наличии значения 'взаимная вражда, сопровождающаяся полным прекращением отношений'. Для немецкого языка специфичным является употребление лексемы "*der Zank*" в значении 'взаимные оскорбления, упреки, неприязни, выносимые в ссоре из-за незначительного повода'.

Как в немецком, так и в русском языках можно наблюдать в паремиях "*Hast du keinen Zank im Hause, so nimm den Schwiegersohn ins Haus*" и "*Хочешь ссоры, возьми в дом зятя*", "*Нет черта в доме - прими зятя*" присутствие ключевых лексем "*das Haus*" в немецком языке и "*дом*" в русском языке. Можно ли считать их эквивалентными? Следует вначале провести этимологический экскурс данных ключевых слов.

Общегерманское существительное "*das Haus*" (сравните: средневенгерское *hiss*, готский *gudhus* - 'церковь', английский - *house*, шведский - *hus*) относится к группе слов, восходящих к индоевропейскому корню **[s]keu-* - 'покрывать, закутывать'. В узком смысле родственно германским словам *Hose* и *Hort*. Слово "*дом*", обозначающее в настоящее

время понятие "жилое помещение", используется в широком смысле. Например: "*Bankhaus*" – 'банкирский дом', "*Warenhaus*" – 'универмаг', "*Maschinenhaus*" – 'машинное отделение', "*Spitzenhaus*" – 'пожарное депо'. Сохранилось также старое употребление слова "*das Haus*" в значении – 'домочадцы' и 'семья' [15, S. 320].

В универсальном словаре К. Дудена лексема "*das Haus*" обладает значениями: 'здание, предназначенное для жилья людей', 'здание, которое воздвигли для определенной цели: театр', 'квартира, дом, в которых кто-либо постоянно проживает', 'разговорное: жильцы одного дома', 'парламент, палата', 'семья', 'бюджет, хозяйство, семейство', 'род, династия', 'разговорно-шутливое: старый друг', 'астрологическое: знак зодиака в его связи с планетами', 'астрологическое: один из двенадцати месяцев, по которым распределяются знаки зодиака' [16, S. 800].

Выясним этимологию слова «дом». Лексема «дом» восходит к старославянскому слову «ДОУМЪ» и родственна лексемам в славянских языках: украинский – «дім», «дом», болгарский – «домът», сербохорватский – «дѐм», словенский – «dŏm», чешский – «dům», словацкий – «dom», польский, верхнелужицкий, нижнелужицкий – «dom», с одной стороны, родственна древнеиндийской «dāmas» – 'дом', «dāmūnas» – 'домашний, связанный с домом', авестийской «dam» – 'дом, жилье', греческой «δῶμος», «δομή» – 'строение', латинской – «domus», с другой стороны, – греческой «δῶμα» – 'дом', «δῶμαρτος» – 'хозяйка, супруга', древнеисландской «timbr» – 'строительный лес', греческой «δῶλεδον» – 'почва', древнеисландской – «topt», прагерманской «*tunfeti» – 'место строительства', литовской «dimstis» – 'поместье, пменпе' [12, т. 1, с. 526 – 527].

В современном русском языке слово "дом" понимается следующим образом: 'жилое здание, строение', 'жилое помещение, квартира', 'историческое: династия, род', 'учреждение для обслуживания культурно-бытовых нужд трудящихся или отдельного круга лиц, помещающееся обычно в отдельном здании', 'заведение, предприятие', 'в детских играх, основанных на преследовании (пятнашки, прятки) – место, где по правилам игры нельзя преследовать', 'семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством' [11, т. 1, с. 759].

Исходя из семантического анализа лексем "*das Haus*" и "*дом*", отметим сходство в номинациях: 'семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством', 'жилое здание', 'квартира, дом', 'династия, род'.

Прокомментируем лексемы "*das Haus*" и "*дом*" в этнокультурном аспекте.

У древних германцев дом представлял собой храм, внутри которого жрецы и весталки производили сакральные действия, в частности, жертвоприношение, позволявшие избавляться от злых чар и достигать исцеления.

Дом, жилище в древности понимались как космос, так как считались воплощением божественной гармонии и порядка. С другой стороны, дом, жилище – воплощение божественного первопространства и предмет поклонения: в центре дома находился очаг – символ сакрального огня. Кроме того, жилище олицетворяло женское начало и соотносилось с женой, матерью.

Древнее жилище уподоблялось не только космосу, но и цветку, мировой чаше. Согласно древним верованиям, мировая чаша вбирает в себя всю божественную энергию мироздания и олицетворяет вселенские гармонию и порядок. Подобно храму или городу, жилище, дом в древности уподоблялись какому-нибудь пресмыкающемуся – символу божественной благодати. Во многих домах содержались змеи как гарантия благополучия дома [3, с. 210 – 211].

Следовательно, в немецкой культуре различаются два понятия дома – "*дом как храм*" и "*дом как семья в целом*".

В русской культуре дом – символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов. Дом противопоставлен внешнему миру и потому является объектом разнообразных магических ритуалов, совершаемых для его защиты и ограждения от злых сил. В фольклоре и мифологии символами дома выступают матица, очаг, печь, угол.

Организация домашнего пространства повторяет структуру внешнего мира и отчасти отражает структуру семьи. Место в центре обладает наибольшей сакральной значимостью; жилое пространство делится по диагонали на две части: угол с печью (очагом) – левая сторона – образует женское пространство, правая сторона с красным углом – мужское. Элементом, огораживающим дом от "чужого" пространства (крыша, стены), противопоставлены элементы, обеспечивающие его связь с внешним миром – дверь, окна. Очаг, печь – организующий центр дома, символ духовного и материального единства живущих в доме родственников, источник жизни [5, с. 142 – 143].

Итак, лексемы "*das Haus*" и "*дом*", учитывая этнокультурный комментарий, можно назвать эквивалентными, так как они соотносятся с совокупностью архитектурно-домоустроительного и семейного кодов культуры. Слова "*das Haus*" и "*дом*" в сопоставляемых паремиях символизируют семью, домочадцев и выражают домоустроительную-семейную метафору, уподобляющую полноту, целостность нравственного пространства зятя полноте семьи в доме. Следовательно, паремии "*Hast du keinen Zank im Hause, so nimm den Schwigersohn ins Haus*" и "*Хочешь ссоры, возьми в дом зятя*" отображают стереотипное представление о зяте как человеке, нарушающем меру нравственно или морально допустимого.

Однако специфичным для русского языка является то, что в пословице *"Нет черта в доме - прими зятя"* номинация зятя связана с метафоризированной лексемой *"черт"*.

Выясним этнолингвистические особенности функционирования слова *"черт"* в русской паремии *"Нет черта в доме - прими зятя"*.

Этимология лексемы «черт» восходит к праславянской основе *«*čьrъ»* – 'проклятый', которая наблюдается в славянских языках: украинский, белорусский – «чорт», сербохорватский – «црѣтити», «црѣтам» – 'заклинать, клясть', словенский «črt» – 'черт, ненависть, вражда', «črtiti» – 'ненавидеть', чешский, словацкий «čert» – 'черт', польский – «czart», верхнелужицкий – «čert», нижнелужицкий – «cart», родственна литовской «кугėti» – 'злиться', «į-kūrti» – 'гнущаться', «аркугėti» – 'надоедать', «įкугūs» – 'назойливый, навязчивый', «керėti» – 'сглазить, околдовать' [12, т. 4, с. 347].

Слово "черт" в современном русском языке представлено семантикой: 'сверхъестественное существо, живущее в аду, олицетворяющее собой злое начало мира, противопоставляемое доброму началу (богу)', 'бранное слово, которым обзывают кого-нибудь', 'разговорно-фамильярное: выражение сильной досады, неудовольствия', 'разговорно-фамильярное, вульгарное: символическое обозначение полного отсутствия чего-нибудь, решительного отрицания чего-нибудь, крайней негодности чего-нибудь' [11, т. 4, с. 1288 – 1289].

В русской национальной культуре черт – "нечистый" демонологический дух, представляющий антропоморфное существо, покрытое черной шерстью, с рогами, хвостом и копытами, красными глазами, которое "постоянно вмешивается в жизнь людей, причиняет мелкие неприятности", принуждает к неоправданным поступкам [5, с. 484 – 485].

Следовательно, образ зятя в паремии "Нет черта в доме – прими зятя" соотносится с религиозно-антропоморфным кодом культуры, то есть с совокупностью нравственных установок, а также имен, обозначающих небожителей, представителей нечистой силы и их отличительные характеристики, особенности поведения. В данном случае зять связывается с представлением о внутреннем облике черта: все негативное, низкое, непристойное, грязное, греховное, что исходит от обитателя и владыки ада.

Образ паремии основан на антропоморфной метафоре, уподобляющей зятя с определенными чертами характера, поведением, манерами мифическому существу – черту – служит причиной неприязненного, недоброжелательного, враждебного отношения к нему.

Паремия "Нет черта в доме – прими зятя" отображает стереотипное представление о зяте как источнике злого начала.

Подчеркнем специфические особенности русских паремий с ключевой лексемой "зять": *"С сыном бранись - за печку держись, с зятем бранись - за дверь держись"*, *"Бедному зятю и тестю не рад"*, *"У наших зятей много затей"*.

Пословица "С сыном бранись – за печку держись, с зятем бранись – за дверь держись" демонстрирует отдаленность между тещей и зятем. Паремия восходит к архетипическому пласту культуры (к древнейшим формам коллективно-родового сознания), одной из базовых оппозиций которого является противопоставление "своего" и "чужого" пространств.

В основе паремии лежит архитектурно-домоустроительный код культуры, в котором те или иные части интерьера насыщаются значимыми для культуры функциональными смыслами. В нашем случае этот код представлен лексемой *"дверь"*.

Этимология слова «дверь» отмечает присутствие схожих лексем в таких праязыках и родственных языках, как старославянский – «ДВЪРЬ», украинский – «двері», словенский – «dīri», чешский – «dveři», «dveře», польский – «drzwi», верхнелужицкий – «durje», нижнелужицкий – «žurja», литовский – «dūrys», латышский – «duris», готский «Dvurā» – 'дверь', «Dvairōs» – 'дверная петля', латинский «forēs» – 'двустворчатая дверь', «foris» – 'дверь', древнеиндийский «dvāras» – 'двери', кимрийский – «dor», албанский «derë» – 'дверь' [12, т. 1, с. 487]. По Д.Н. Ушакову «дверь» – 'отверстие в стене для выхода', 'створ для закрытия входа в какое-нибудь помещение' [11, т. 1, с. 656], то есть подчеркивается граница.

В русской культуре дверь относится к границе жилого пространства, обеспечивая связь с внешним миром и защиту от него; по ряду признаков дверь противопоставлена окну, что проявляется в обычае выносить "нечистого" покойника не через дверь, а через окно (или специально сделанный проем в стене). Положительная оценка двери находит параллель в христианской трактовке двери как входа в царство небесное: сравните именование Богородицы – "Дверь Спасения", а также значение Царских врат в храме.

В гаданиях и приметах символика двери связана прежде всего с идеей "выхода" из дома, осмысляемого либо как замужество, либо как смерть. По русским поверьям, если незакрытые глаза покойника обращены к входной двери, то в доме будет еще один умерший. Если дым от погасшей свечи тянулся к двери, то это сулило девишке замужество в новом году [5, с. 3 – 7].

Следовательно, лексема *"дверь"* в паремии *"С сыном бранись - за печку держись, с зятем бранись - за дверь держись"* выступает как символ границы *"своего"* пространства. Компонент *"держись"* соотносится с деятельностным кодом культуры и в данной пословице символизирует изгнание тещи зятем из его личностного пространства.

Образ паремии основывается на метафоре, уподобляющей пространственные и межличностные отношения. Отказать теще в пребывании в "своем" пространстве означает нежелание иметь дело с ней. Пословица "С сыном бранись – за печку держись, с зятем бранись – за дверь держись" выступает в роли стереотипа отчуждения зятя и тещи.

В русской фразеологической картине мира отсутствие материального достатка, бедность зятя получает негативную оценку: "Бедному зятю и теще не рад". Проанализируем лексику "бедный", указывающую на социальные качества зятя. Обратимся к этимологии лексической единицы "бедный".

Слово «бедный» восходит к лексеме «беда», имеющей соответствия в славянских языках: украинский – «біда», старославянский – «БѣДА», болгарский – «бѣда», сербохорватский – «бијѣда», чешский «bída» – 'беда, несчастье', древнепольский «biada» – 'беда', верхнелужицкий, нижнелужицкий «bëda» – 'беда'. Благодаря праславянской основе «*bëda» родственна литовской «bėda» – 'беда', латышской «bēda» – 'забота, горе', албанской «bë» – 'клятва, присяга', готской «baidjan» – 'принуждать', древневерхненемецкой «beiten» – 'принуждать', греческой «πειθω» – 'убеждаю, уговариваю', латинской «fido» – 'доверяю' [12, т. 1, с. 142]. В современном русском языке лексема «бедный» обозначает семы: 'обладающий очень скудным достатком, неимущий', 'скудный, однообразный', 'имеющий недостаток в чем-нибудь, содержащий в себе мало чего-нибудь', 'дешевый, незатейливый, простой', 'несчастный, возбуждающий жалость, сострадание' [11, т. 1, с. 101].

В русской ментальности бедность человека связывается в первую очередь с его материальным положением, характеризующимся отсутствием достатка, скудостью жизненных средств [2, т. 1, с. 31].

Однако в традиционном понимании русских мужчина – источник постоянного регулярного дохода, который имеет не только больше шансов получить хорошую, престижную работу, но и обязан кормить и обеспечивать семью, заботиться о ее благосостоянии. Соответственно образ зятя в паремии "Бедному зятю и теще не рад" ассоциируется с человеком, у которого нет материального достатка. Паремия выступает как эталон меры материальной собственности, достатка.

Представление о зяте как безуспешном человеке отражено в русском языке в паремии: "У наших зятей много заетей". Отметим семантическую представленность лексемы "заетей".

Согласно этимологии слова «заетей» выделим присутствие схожих лексем в таких родственных языках, как украинский – «вигі́вати», «вигі́яти», белорусский – «заце́ваць», «заце́яць», латышский «tievēt» – 'стремиться к чему-либо', «tītīt», «-īju» – 'упрямлюсь, раздражаюсь', «tītināt» – 'дрознить, раздражать', литовский «titinoju», «titinoti» – 'хвастать' [12, т. 2, с. 82].

Лексема "заетей" в словаре Д.Н. Ушакова определяется как: 'замысел, предприятие (о чем-нибудь, обреченном на неуспех, неоправдываемом необходимостью)', 'причина, намерение, порожденное прихотью, капризом, шаловливым настроением; забава, развлечение', 'устаревшее: заетейливые, вычурные приемы (в изложении, в искусстве)' [11, т. 1, с. 1051]. Следовательно, через компонент "заетей" данная пословица соотносится с антропным кодом культуры и содержит метафору, в основе которой лежит восприятие зятя через призму его свойств, проявляющихся в его деятельности. Паремия "У наших зятей много заетей" выступает в роли стереотипа бесполезного отношения зятя к чему-либо.

Схема № 1

Общие и специфические значения немецких и русских паремий с ключевыми лексемами «der Schwiegersohn» и «зять»

Итак, совершив сравнительный этнолингвистический анализ паремий с ключевыми лексемами "der Schwiegersohn" и "зять", отметим, что является общим и как выражается культурный контраст в данных паремиологических единицах обоих сопоставляемых языков. Вывод отразим в виде схемы.

Таким образом, использование в данной статье метода культурного контраста в этнолингвистическом аспек-

те позволило провести сопоставительный анализ немецких и русских паремиологических единиц с ключевыми лексемами "der Schwiegersohn" и "зять" с учетом особенностей их корреляции с культурой и картиной мира народов-носителей соответствующих языков; обосновать существование их особой культурной функции – символизировать усвоение морально-нравственных принципов, взглядов, а также их естественность, органичность для человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, Вяч. В. Проблемы этносемиотики / Вяч. В. Иванов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 38 – 35.
2. Колесов, В.В., Колесова, Д.В., Харитонов, А.А. Словарь русской ментальности / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. В 2 т. Т. 1. – С.– Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с.; Т. 2. – С.– Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с.
3. Маковский, М.М. Этимологический словарь немецкого языка / М.М. Маковский. – М., 2004. – 630 с.
4. Никитина, С.Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): Дисс. в виде науч. докл. ... докт. филол. наук / С.Е. Никитина. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1999. – 54 с.
5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь/ отв. ред. С. М. Толстая. – М., 2011. – 512 с.
6. Терновская, О.А. Ведовство у славян: II. Бзык (мухи в голове) / О.А. Терновская // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. – М.: Наука, 1984. – С. 118–130.
7. Толстой, Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики / Н.И. Толстой // Известия АН РАН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – № 5. Т. 41. – С. 397–405.
8. Толстой, Н.И. О предмете этнолингвистики, о ее роли в изучении языка и этноса / Н.И. Толстой // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). – М.: Наука, 1983. – С. 181–190.
9. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
10. Толстая, С.М. Стереотип в этнолингвистике / С.М. Толстая // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. – С. 124–127.
11. Ушаков, Д.И. Толковый словарь русского языка / Д.И. Ушаков. В 4т. Т.1. – М.: ТЕРРА, 1996. – 824 с.; Т.2. – М.: ТЕРРА, 1996. – 520 с.; Т.3. – М.: ТЕРРА, 1996. – 712 с.; Т.4. – М.: ТЕРРА, 1996. – 752 с.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. В 4т. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 588 с.; Т. 2. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 671 с.; Т.3. – М.: Астрель: АСТ, 2007.– 830 с.; Т.4. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 860 с.
13. Шолохов, М.А. Очерки, статьи, фельетоны, выступления / М.А. Шолохов. – М.: Правда, 1980. – Т. 8. – 431 с.
14. Bartminski, Definicja Kognitywna jako narzedzie opisu konotacji / J. Bartminski // Konotacja. Pod red. J. Bartminkiego. – Lublin, 1988. – S. 169– 183.
15. Duden, C. Etymologie: Herkunftsworterbuch der deutschen Sprache / C. Duden. – Manheim, Zurich, 2007. – 960 S.
16. Duden, C. Deutsche Universalworterbuch / C. Duden. – Manheim, Zurich, 2011. – 2112 S.
17. Kardela, H. Tak zwana gramatyka kognitywna a problem stereotypz / H. Kardela // Etnolingwistyka. Т. 1. – Lublin, 1988. – S. 35– 46.

© Е.А. Шимко, (Shimko_elena@inbox.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

